

ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ БЕЗ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ СЛОВ: ИНТЕРРОГАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ В АБАЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

П.М. Аркадьев (Институт славяноведения РАН/РГГУ)

Частные вопросы вроде *Кто пришёл?*, требующие от адресата сообщить значение неизвестной говорящему переменной, имеют расчленённую коммуникативную структуру, где переменная является фокусом, а остальная часть высказывания — пресуппозицией (см. Lambrecht 1994: 282). В подавляющем большинстве языков мира в частных вопросах выступают специальные лексические единицы, выражающие фокус вопроса, — так называемые вопросительные слова (Ultan 1978: 53; Siemund 2001: 1018). Во многих языках, в том числе в языках Северного Кавказа, частные вопросы используют конструкцию типа клефта, где вопросительная группа является сказуемым, а пресуппозитивная часть релятивизована (см. Sumbatova 2009, Сумбатова 2009). Абхазский и абазинский языки, не являясь исключением из этой тенденции, особенно интересны для типологии частных вопросов, поскольку в них фокус и пресуппозиция вопроса могут быть выражены морфологически в одной глагольной словоформе, что в типологических исследованиях ранее практически не отмечалось (см., однако, Idiatov 2007: 271–278). В данной работе описывается морфология частных вопросов в абазинском языке, на основе материала, собранного в ходе экспедиции НИУ ВШЭ и РГГУ в аул Инжич-Чукун Абазинского района Республики Карачаево-Черкессия в июле 2017 г.

Интеррогативные глагольные формы абазинского языка строятся от любых предикатных лексем и включают два морфологических компонента — префикс релятивизации, указывающий на семантико-синтаксическую роль фокуса вопроса, и интеррогативный суффикс, задающий семантический тип (личность vs. неличность) переменной, ср. вопросы к абсолютиву (1), эргативу (2), косвенному объекту (3) и посессору (4). В обстоятельственных вопросах также используются префиксальные показатели релятивизации, но вместо интеррогативного суффикса используется префикс обстоятельственного вопроса *-ba*, ср. вопрос о месте (5) и о времени (6). Как актантные, так и обстоятельственные интеррогативные формы строятся по «нефинитной» модели, о чём свидетельствуют способы выражения отрицания, времени и множественного числа.

Абазинский язык допускает и вопросы с вопросительным словом (O'Herin 2002: Ch. 8), ср. (7), однако сами вопросительные слова синхронно либо исторически являются интеррогативными глагольными формами описанного типа (Генко 1955: 105–107; Idiatov 2007: 271–278), что позволяет предположить, что по крайней мере на каком-то этапе чисто глагольная стратегия выражения частных вопросов была в абхазо-абазинских языках единственной.

Литература

Генко А.Н. (1955). *Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанта*. М.: Изд-во АН СССР.

Пазов С.У. (2016). Вопросительные глагольные формы в структуре вопросительного предложения в абазинском языке // *Адыгэ филологийер. Непэрэ Юфыгъохэр. Бзэр. Тарихъыр. Литературэр. Фольклорыр*. Дзюджэ, 129–137.

Сумбатова, Н. Р. (2009). Коммуникативная структура адыгейского предложения: перспектива и фокус // Я. Г. Тестелец (ред.), *Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка*. М.: РГГУ, 559–612.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ 17-18-01184 «Коммуникативная организация естественного дискурса на звучащих и жестовых языках».

Idiatov, Dmitry (2007). *A Typology of Non-Selective Interrogative Pronominals*. PhD Dissertation, Universiteit Antwerpen.

Lambrecht, Knud (1994). *Information Structure and Sentence Form*. Cambridge: Cambridge University Press.

O’Herin, Brian (2002). *Case and Agreement in Abaza*. Arlington: SIL International & University of Texas Press.

Siemund, Peter (2001). Interrogative constructions. In: M. Haspelmath et al. (eds.), *Language Typology and Language Universals. An International Handbook*. Vol. 2. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1010–1028.

Sumbatova, Nina (2009). Constituent questions and argument-focus constructions: some data from the North-Caucasian languages. In: J. Helmbrecht et al. (eds.), *Form and Function in Language Research. A Festschrift for Christian Lehmann*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 313–328.

Ultan, Russell (1978). Some general characteristics of interrogative systems // *Universals of human language*. № 4. P. 211–248.

Примеры

- (1) a. $j-ʕa-ka-ʂá-ja?$
REL.ABS-DIR-LOC-падать-QN
‘Что упало?’
- b. $j-ʕá-b-g-ja?$
REL.ABS-DIR-2F.ERG-нести-QN
‘Что ты принесла?’
- (2) $w-ʕa-z-rəhá-da?$
2M.ABS-DIR-REL.ERG-пугать-QN
‘Кто тебя напугал?’
- (3) a. $a-lá \quad ʕa-z-cha-da?$
DEF-собака DIR-REL.IO-кусать-QN
‘Кого укусила собака?’
- b. $wə-z-z-pš-wá-da?$
2M.ABS-REL.IO-BEN-ждать-IPF-QN
‘Кого ты ждёшь?’
- (4) a. $də-z-p-wə-da?$
3H.ABS-REL.IO-сын-PRS.NFIN-QN
‘Чей это сын?’ («Кто есть тот, чей это сын?»)
- b. $jə-z-sabəj-wə-da \quad a-páx' \quad j-na.ʕwʕá-wa$
3PL.ABS-REL.IO-ребёнок-PRS.NFIN-QN DEF-двор REL.ABS-бегать-IPF
‘Чьи дети бегают по двору?’
- (5) $w-a-bá-ca-wa?$
2M.ABS-REL.LOC-QADV-идти-IPF
‘Куда ты идёшь?’
- (6) $h-an-ba-də-r-č' -wə-š?$
1PL.ABS-REL.TEMP-QADV-3PL.ERG-CAUS-есть-IPF-FUT
‘Когда нас покормят?’
- (7) $d-z-ačwə-ja \quad awat \quad a-č-kwa \quad ʕa-z-rəha-z?$
3H.ABS-REL.IO-принадлежать-QN те DEF-лошадь-PL DIR-REL.ERG-пугать-PST.NFIN
‘Кто напугал лошадей?’ (букв. «Что то, чему принадлежит укравший лошадей?») (Пазов 2016: 131)

Сокращения:

ABS — абсолютив; BEN — бенефактив; CAUS — каузатив; DEF — определенность; DIR — директивный префикс; ERG — эргатив; F — женский род; FUT — будущее время; H — класс людей; IO — непрямой объект; IPF — имперфектив; M — мужской род; NFIN — нефинитная форма; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; QADV — обстоятельственный вопрос; QN — вопрос о лицах; QN — вопрос о не-лицах; REL — релятивизатор; REL.LOC — релятивизатор места; REL.TEMP — релятивизатор времени.